

ЭО, 2016 г., № 5

© В. А. Тишков

ОТ ЭТНОСА К ЭТНИЧНОСТИ И ПОСЛЕ

Ключевые слова: социальный конструктивизм, теория этноса, этнология и антропология в России, этнос и этничность в археологии, историографии, политологии, философии, психологии, педагогике, “этногеномика”

Общественно-гуманитарные науки в России пережили драматический переход после 1991 г., когда доминирующую парадигму (теорию этноса) заменили конструктивистские интерпретации этничности. Появилась новая исследовательская и образовательная дисциплина – социально-культурная антропология. Тем не менее примордиалистские подходы, связанные с именами Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлея, живы и получают более широкое распространение в других дисциплинах (истории, политологии, философии, социологии и т. д.). Несмотря на этот неопримордиализм, археологи, социологи, психологи и генетики вместе с антропологами пытаются построить междисциплинарные мосты, чтобы преодолеть слабости теорий этноса и этногенеза. Современная антропология и этнология в России пребывает в поиске синтеза, позволяющего лучше понять культурную сложность и социокультурные коалиции, в том числе и за рамками парадигмы этничности.

Эта статья является своеобразным послесловием к книге “Реквием по этносу”, написанной почти 15 лет тому назад. Однако и сегодня в российском общественном сознании понятие “этнос” живо, прежде всего, по той причине, что оно перекочевало из этнологии в другие сферы гуманитарного и социального знания. Именно об этих метастазах порожденной этнографами, этнологами и антропологами “теории этноса”, о нашем отношении к судьбе не признанной мировой наукой, но крайне живучей конструкции и о взаимодействии с поборниками этноса внутри и за пределами дисциплины-прародительницы пойдет речь, как и о перспективах, казалось бы, утвердившегося концепта этничности.

Почему новая трактовка феномена этничности как одной из форм коллективной идентичности вызвала в отечественной науке столь бурную охранительную реакцию? Тому есть несколько причин. Самое лестное для меня объяснение – это провоцирующее название книги, в котором, избегая скучной точности, я не стал уточнять, что речь идет о теории этноса. Поэтому, как представляется, отрицание мной довлеющей конструкции было воспринято буквально – как отрицание существования этнокультурных различий и самих этнических общностей. Хотя из содержания книги и других моих работ было ясно, что речь идет именно о трактовке предмета науки, но обыденно-политическое и даже научное сознание склонно к упрощенному восприятию. Охранительная реакция была вызвана также и тем, что речь шла о теме, которая в 1990-х

Валерий Александрович Тишков – д. и. н., академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва); e-mail: valerytishkov@mail.ru

Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 15-1>8-00099.

годах вызвала интерес ряда общественных дисциплин: социологии, истории, философии и т. д. Представители этих областей знания не пожелали оставлять этнические проблемы современности только этнологам. Этнос и этничность, которые до этого блистали своим отсутствием в работах отечественных гуманитариев, появились в самых разных вариациях: от “этнокультурной истории Древней Руси” и “этносов в раннем средневековье” у историков до “философии этноса” у псевдофилософов.

Важной интеллектуальной провокацией стали работы Л. Н. Гумилева, заполонившие с начала 1990-х годов книжные полки российских магазинов и библиотек. Если среди этнологов отношение к этому автору было сдержанным, то многие географы, культурологи, философы и политологи впали в эту ересь с упоением. Влияние Гумилева на отечественную научную мысль и политическое мышление остается недооцененным, ибо, кроме малотиражной критики (сначала Ю. В. Бромляя и В. И. Козлова, затем В. А. Шнирельмана и моей), широкой дискуссии вокруг гумилевской конструкции этногенеза и пассионарности в литературе фактически не было. Зато, как я писал 15 лет назад, интригующая привлекательность этих положений, как и харизматическая фигура самого автора по прошествии времени не потеряли своей популярности. К этому добавился недавний для российской геополитики “поворот на Восток”, в котором центральное место занимает идея нового евразийства, одним из интеллектуальных отцов которой считается Гумилев. Таким образом, критика концепта этноса с самого начала оказалась обремененной политическими моментами. Это справедливо отмечали политологи, изучающие этнический фактор в современном мире. Как пишет И. С. Семенов, «в политической науке общий дискурс по проблемам этничности до сих пор не сложился. Связано это, на наш взгляд, как с объективной неоднозначностью влияния этнических факторов на социальную динамику, так и с неоднозначностью политических последствий публичной дискуссии по этой проблематике, а иногда – и с прямым “конфликтом интересов” научной объективности и политкорректности» (Этносоциокультурный конфликт 2014: 25).

Антропология и этнология с этносом и без него. Следует отметить, что, к чести этнологов и антропологов, обновление теоретико-методологических основ нашей дисциплины прошло в целом успешно, без огульного отрицания, раздоров и политизированных обвинений. Интеллектуальное лидерство здесь принадлежит далеко не только Институту этнологии и антропологии РАН. Важную роль в разъяснении и обосновании современных основ этнологии и социально-культурной антропологии сыграл Санкт-петербургский журнал “Антропологический форум” во главе с его редактором А. К. Байбуриным. Несмотря на то, что именно в Санкт-Петербурге (родном городе Л. Н. Гумилева) наиболее стойко держались поклонники гумилевских идей, здесь же были инициированы дискуссии о состоянии этнологического знания и его теоретических основ, научных школах, взаимодействии с другими дисциплинами. Участие в этих дискуссиях ведущих зарубежных антропологов способствовало утверждению в отечественных текстах языка современной науки.

За последние четверть века внутри дисциплины произошли значимые и неоднозначные перемены. *Переход от этноса к этничности и даже выход за пределы этничности позволили обрести новую предметную область, определяемую как антропология и этнология.* Речь идет не столько о физической, сколько о социально-культурной антропологии, которой в начале 1990-х годов в нашей науке не было. Этнос ушел из языка этнологов, за исключением некоторой части исследователей и вузовских преподавателей, которые не следят за современными тенденциями. Этому способствовали развитие самого научного знания и более полная информированность отечественных специалистов о мировом научном контексте. Важную роль сыграл перевод на русский язык работ многих признанных специалистов в области социологии, антропологии и этнологии, а также истории так называемого национального вопроса в России. Были переведены и изданы, хотя и с опозданием в 20–30 лет, работы П. Бурдьё, Э. Геллнера,

Ф. Барта, Б. Андерсона, Ч. Тилли, Д. Горовица, а затем и представителей следующего поколения: А. Барнарда, Р. Брубейкера, У. Кимлики, Ч. Тэйлора и др., а также работы историков, социологов и философов, писавших о нациях и национализме, феномене идентичности, включая национальную и этническую (Э. Хобсбаум, Ю. Хабермас, Д. Кола, М. Кастельс, С. Бенхабиб, З. Бауман, Э. Саид и другие). Появилась солидная библиотека переводных книг по истории так называемого национального вопроса, советской этнической политике и нацистроительству и этнополитическим конфликтам (Ш. Фицпатрик, Р. Суни, Т. Мартин, Ж. Кадио, Ф. Хирш и др.). Их терминология была существенно иной, а в центре анализа были не этносы, а процесс конструирования советских наций из разнородной этнической материи.

Сегодня нет оснований полагать, что произойдет откат на прошлые позиции. Антропологи и этнологи все больше осознают феномен растущей культурной сложности, где этничность переплетается с другими коллективными идентификациями и лояльностями до такой степени, что исчезает само понятие группы как социальной и даже социологической целостности. *Разрыв с позитивистским группизмом был одним из наиболее существенных моментов в этнологических новациях.* Этнические границы стали пониматься не как границы групп в пространстве (в кушнеровском смысле), а как ментальные маркеры, по которым могут выстраиваться группы (в бартовском смысле). Эту ситуацию было трудно предвидеть четверть века тому назад. Именно поэтому я писал о том, что “возможно, единственным и основным законом истории является неопределенность и многовариантность” (Тишков 2003: 502). Сейчас можно сказать более определенно, что природа современной “текущей модерности” такова, что “атрибутом нашей действительности является непостоянность, единственной уверенностью, которой мы обладаем наверняка, является неуверенность”. Автор этих слов З. Бауман заявил: “В начале XXI века мы стоим перед необходимостью сделать то, чего наши предки не сделали, потому что не приходило им этого в голову, не чувствовали они этой потребности – *необходимости разработки новых способов сосуществования в условиях постоянной разнородности культур и человеческих группировок*” (Бауман 2011; курсив мой. – В.Т.). Эта разнородность культур и человеческих группировок и должна больше всего привлекать современных исследователей. Это и есть один из многообещающих горизонтов для социально-культурной антропологии.

Здесь мы переходим к теме метастазирования концепта этноса в другие научные дисциплины, включившие его в границы своих доменов. А это означает, что ответственность за интерпретации и проекции теории этноса в общественную жизнь должна быть разделенной.

Как этнос хотел спрятаться в археологическом раскопе. Исторически этнография/этнология/антропология не только в России, но и в мировой науке наиболее тесно связана с археологией. 25 лет тому назад в Новосибирске был создан отделившийся от историков и успешно работающий научно-исследовательский Институт археологии и этнографии. Возглавляемый Н. А. Томиловым Омский филиал двух НИИ (Московского и Новосибирского) на базе университетской кафедры этнографии почти 20 лет проводит регулярные научные сессии по этноархеологии. Прежде чем начали созываться отдельные съезды этнографов и антропологов, в СССР длительное время проводились совместные археолого-этнографические научные сессии. Диалог двух дисциплин, само общение археологов и этнографов дают положительные результаты, хотя мне представляется, что высокий уровень археологической науки в Сибири сдерживает дрейф местной этнографии в сторону социально-культурной антропологии.

В СССР и в России интеграция археологии и этнографии была подчинена решению сверхзадачи – разработки так называемой теории этногенеза. Отметим, что некоторые археологи и этнографы уже в советское время выступали критиками перенесения этнического в глубокие исторические пласты, когда корректнее было бы говорить о “популяциях” и “культурах”, чем о “народах” (Шнирельман 1984, 1990, 1993). Осто-

рожное отношение археологов к научному арсеналу этнографов (и наоборот) утвердилось позднее к обоюдной пользе (Этничность в археологии 2013).

В целом археология, с великим трудом корректируя один из отечественных брендов – теорию этногенеза, тем не менее не встала на позиции трактовки этнических общностей как биосоциальных организмов и не разделила гумилевские выдумки насчет пассионарного толчка и акматических стадий рождения и жизни этносов. Напомню высказывание академика В.П. Алексеева: “История дает нам много примеров этнической консолидации и возникновения крупных народов... на основе... заведомо исторических факторов, без какого-либо влияния биологии или географии. Итак, исторический характер этносов несомненен...” (Алексеев 1986: 5). Насчет “глубины” этого исторического характера (у Алексеева все начинается с палеолитических времен) необходим отдельный разговор, но в данном случае важна его антигумилевская позиция. Более того, современная археология выступила решительно против националистических попыток интерпретировать археологические культуры и конкретные памятники в контексте современных политических интересов некоторых этнических элит. Здесь этнологи и археологи остаются твердыми и последовательными союзниками.

Как получилось с этносом у историков. Старая отечественная этнография понималась и конституировалась в системе обществознания как субдисциплина исторической науки, т.е. как наука гуманитарная, в отличие от социальных наук, к которым относится социально-культурная антропология. В России – от подготовки студентов до присуждения ученых степеней – специалисты в этой области по своей базовой специальности считаются историками. Неизменной остается и академическая организационная структура: этнологические учреждения, центры и подразделения пребывают в составе комплексных институтов вместе с историей, под научно-методическим руководством Отделения историко-филологических наук. Эта родовая принадлежность носит давний характер. Содержательно она когда-то объяснялась лежащим в основе этнографии “принципом историзма” (Токарев 1958: 8). В то же время собственно историкам концептом “этнос” до конца 1980-х годов фактически не пользовались и обратились к нему тогда, когда этнологи уже начали от него отказываться. Одну из первых книг с “этнокультурной историей” в названии я получил от В.Я. Петрухина (Петрухин 1995). В ней автор пытался обнаружить этносы в древнерусском государстве, тем самым пренебрегая фундаментальной значимостью ранних политий, социальных группировок, организованных по принципу вожеств, а также более широких (внеэтнических) коалиций на основе династических или религиозных лояльностей. Позднее Петрухин вместе со своим соавтором так определил эти, по его мнению, всеохватные и “непрерывные” человеческие коллективы: “...каждый человек непременно ощущает себя членом некоей совокупности людей, которые воспринимают друг друга как имеющие общее происхождение и одновременно отличают себя от тех, кто принадлежит к иным подобным совокупностям. Такие совокупности именуется этносами, этническими общностями” (Петрухин, Раевский 2004: 8). Авторы делают важную оговорку: “Объективный антропологический и генетический анализ показал, что концепция чистоты крови... представляет не что иное, как исторический миф... переоценка биологического критерия при установлении этноисторической преемственности неправомерна, а ее абсолютизация попросту реакционна как открывающая путь лишенному научной базы расизму” (Там же: 11–12), однако она эту позицию не спасает.

Известный историк В.П. Булдаков публикует опус под названием “Хаос и этнос” об этнических конфликтах в годы гражданской войны в России (главным образом о насилии в отношении еврейского населения), а также работу о “народофобии” с уязвимой трактовкой межэтнических отношений под углом якобы им присущей вражды. При всем богатстве документального материала и кругозоре автора ему не удается уйти от абсолютизации человеческих объединений по культурному сходству их членов: «Империи и нации – преходящие величины. Этнос, вопреки ожиданиям, куда бо-

лее живуч, хотя менее уловим; он составляет ту зыбкую субстанцию, которая словно специально призвана провоцировать “вечные” мифы. Национальная идентичность основывается на господстве определенного мировоззрения, рождающего текущие политические проекты, а идентичность этническая – на вневременной энергетике исторической памяти» (Булдаков 2011: 9). Это уже напоминает “дух народа” из некогда распространенных гердеровско-бердяевских непроверенных рассуждений.

Немногие историки встали на путь примордиалистской трактовки этносов как организмов, но искушения не избежали даже наиболее просвещенные из них, включая тех, кто занимался зарубежным средневековьем и античной историей, где научная изоляция от теоретико-методологического языка мировой науки, казалось бы, исключалась. Приведу в качестве примера недавно изданную медиевистами коллективную монографию, в которой изложена претензия на обновленную формулировку понятия этноса и установление исторической закономерности перехода от этноса к нации. Вот как описывает эту проблему Н. А. Хачатурян на примере всех (!) современных западноевропейских государств в эпоху Средневековья: “В рамках этой эпохи они пережили процесс трансформации этносов в более сложные социополитические и культурные этнонациональные образования, обретшие уже в Новое и Новейшее время статус национальных государств...” (Хачатурян 2015: 6). Востребованность этой тематики, по мнению медиевистов, в том, что имеет место “возвращение казалось бы изжитых процессов самоопределения этносов вплоть до попыток образования ими новых государств... Современные этнонациональные проблемы, подтверждая неизбывность процесса исторического развития, вместе с тем приближают к нашему сегодня – далекое средневековое прошлое, которое обнажает генезис интересующих нас явлений: полиморфизм начальной истории этносов, сложный путь их консолидации в новую более зрелую общность, специфику условий, предопределявших выбор того или другого этноса на роль ведущего в национальном самоопределении общности, наконец, возможности или слабости последней, которые, в частности, могли зависеть от положения в ней малых этносов” (Там же: 6–7).

Любопытно, что в 2015 г. российские историки-медиевисты сетуют на то, что они “уступили эту область исторического знания” этнографам, антропологам и социологам, тем самым обеднив “собственный предмет анализа, в известной мере облегчив возможность нарушения принципа исторической преемственности в решении интересующего нас вопроса”. А нарушают эту преемственность «исследователи-“новисты”», в особенности политологи и социологи, рассматривая такое явление, как нация, исключительно в пространстве проблем Нового времени и современности». Н. А. Хачатурян, как и положено историку далекого прошлого, занимает более чем определенную позицию: «Категоричность заявлений, согласно которым этнос и нацию “делает ощущение индивида своей принадлежности к ним”, – не должно для исследователя обесценивать факта реального формирования и существования соответствующей общности» (Там же: 7–8). Основываясь на понятии “преемственности явлений”, авторы считают, что историкам важно найти решение вопроса о “начале” качественного перехода от этноса к нации, и именно «средневековый опыт обнажает генезис движения от этнической незрелой общности к “национальному” объединению» (Там же: 8, 15).

Поскольку примеров эти положения не содержат, трудно понять, какие “аморфные” и “незрелые” общности (венецианцы, генуэзцы, сардинцы и другие) “реально” (а не усилиями итальянских генералов-объединителей или германского “огня и меча”) трансформировались в национальные общности и когда они все в результате “генезиса движения” перестали быть членами одного (аморфного) организма и стали членами другого организма (национально объединенного). Как пишет Н. А. Хачатурян, «принятая в научной литературе расшифровка определения “этнос” выглядит неполной, часто будучи ограниченной упоминанием таких параметров явления как общность происхождения, языка, территории, традиции, мифологической культуры. Очевидно,

что в этом случае во внимание приняты только природно-естественные и культурно-исторические компоненты явления. Однако человек становится фактором исторического процесса как член сообщества – социального организма» (Там же: 21). Ну вот, с чего начали, к тому и пришли: этнос начинает заселять умы и труды российских медиевистов, как в свое время он завладел сознанием специалиста по средневековым Балканам Ю.В. Бромлея. И нет гарантии, что за ними не последуют античники, да и “новисты” могут исправить свои “антиэволюционистские заблуждения”.

Почти изгнание этноса из социологии. Заслуживают анализа отношения нашей дисциплины со столь же близкой антропологией социологией. Как считает С.А. Арутюнов, “социология, в сущности, есть часть социальной антропологии в широком смысле слова. А можно считать и наоборот. Это дело вкуса и личного подхода” (Форум АФ 2012: 15). В рамках той же дискуссии о взаимодействии двух дисциплин В.С. Вахштайн напомнил, что «вся история отношений социологии и социальной антропологии представляет собой непрерывный обмен концептами, объяснительными моделями, аксиоматическими допущениями. Особой “этнологической социологии” не сложилось не потому, что интервенция антропологии в социологию провалилась (как провалились, например, попытки психологического вторжения). Ровным счетом наоборот – потому что она удалась. А точнее, потому что историю этих двух дисциплин трудно представить без постоянных взаимных интервенций» (Там же: 50).

Если это так, тогда все-таки необходимо установить некоторые различия как в предметной ориентации (что преимущественно изучают обе дисциплины), так и в предпочтительном методе исследования. Есть также сугубо советские/российские особенности диалога социологии и этнологии/антропологии. Д.В. Арзютов так оценивает ситуацию: «Думается, что основным расхождением в социологии и антропологии по-прежнему остается объект. В СССР объекты были разделены с позитивистской четкостью. В одном случае это был фетиш этноса и традиции, в другом – советского общества. При обращении к более высокому уровню интерпретации эти расхождения объектов восходят к общим разграничениям “науки о них” и “науки о себе”. Как только необходим был диалог, то создавались мосты в виде этносоциологии и вытекающих из нее этносоциальных процессов и т.п. Сегодня российская антропология находится в замешательстве, не зная, что же может быть ее объектом, и зачастую выбирая постмодернистскую плюралистическую парадигму, но наполняя ее позитивистским содержанием, тем самым создавая как бы внутренний конфликт дисциплины» (Там же: 14). Замечание о внутридисциплинарном конфликте интересно, но оставим его на потом.

Действительно, в последние пару десятилетий социология стала даже более близким предметом для этнологов в связи с переносом их интереса на изучение современности, а социологи, устав от массовых опросов, стали чаще обращаться к “включенному наблюдению”, т.е. к этнографическому методу, назвав это “понимающей социологией”. Однако у этой близости есть свои корни. Еще в 1960-е годы в Институте этнографии АН СССР родилось направление, получившее, на мой взгляд, трудно переводимое, но понятное советским этнографам название *этносоциология*. Это направление было связано с именами Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло и другими известными учеными института. Со временем этносоциология как изучение этничности методами социологии (формализованного опроса) стала пониматься более расширительно как научная дисциплина, которая “ставит своей целью раскрытие этнического многообразия социальных процессов и в то же время – социальной обусловленности и социального разнообразия функционирования этнических черт культуры и быта в их широком понимании” (Дробижева 1988: 96–97; ср.: Дробижева 2004: 14–25; Губогло 2004; Губогло, Дубова 2011: 273–297, Комарова 2011). Таким образом этносоциология презентовала себя как новая дисциплина на стыке двух исходных дисциплин. Именно так это трактовалось в поздней советской этнографии, когда появились многочисленные “этнокентавры”: этноботаника, этногеография, этнозоология, этнодемография,

этноэкология, этноархеология, этнолингвистика, этноискусствознание, этномузыкалогия, этнорелигиоведение, этнопсихология, этнопедagogика и др. (Крюков, Зельнов 1988: 84–111). Все они определялись как “науки”, “научные дисциплины”, “области науки” и т. п. “на стыке” с этнографией.

Пожалуй, самыми значимыми моментами во взаимодействии этнологии и социологии были переход из Института этнологии и антропологии РАН в Институт социологии РАН в качестве его директора Л. М. Дробижевой (вместе с несколькими сотрудниками), а с точки зрения проблемно-тематической – выход академических социологов на изучение динамики постсоветской идентичности. Выполняя масштабные опросы, перекочевавшие в штаб классической социологии, этносоциологи выполнили, на мой взгляд, важную научную задачу, а именно соединили изучение гражданской, региональной, этнической идентичности с концептом российского общества и его пониманием как сложной целостности (Дробижева 2013, Рыжова 2011). Для меня эти исследования были большим подспорьем в формулировании проблематики национального и этнокультурного самосознания, сложных и не исключających друг друга групповых идентичностей, в поиске целей и форм государственной “национальной политики”. Часть моего исследования российского национального самосознания была выполнена под влиянием социологического метода и с использованием его инструментария.

Социологи активно включились в изучение проблем этнополитических конфликтов, миграции, разных форм нетерпимости и экстремизма, и это стало еще одним полем взаимодействия и тесного сотрудничества. Здесь, помимо названных выше коллег, заслуживаю упоминания имена многолетних соратников из социологического цеха: Э. А. Паина, В. И. Мукомеля, И. А. Кузнецова, Е. М. Арутюновой. Кроме того, прежде не связанные с этнологией социологи также вышли на этнологическую тематику. А. Г. Здравомыслов с коллегами пишет об этнополитическом конфликте и “релятивистской концепции нации”. Хотя в его подходе сохраняются элементы этнонационализма, он одним из первых заговорил о национальном самосознании россиян (Здравомыслов 1998, Здравомыслов 1999). Ж. Т. Тощенко открывает для социологов тему этнократии, хотя его данные были основаны исключительно на сообществах меньшинств, поскольку власть этнического большинства не относится им к этнократии (Тощенко 2003). Много исследований этносоциологического характера было выполнено коллегами в российских регионах, особенно в республиках (Татарстан, Мордовия, Чувашия, Коми, Калмыкия, Тыва и другие). По этой причине трудно согласиться с негативной оценкой романа двух дисциплин с одним субъектом – этносом, которую дает С. В. Соколовский: «Социологи так и не стали частью антропологического комьюнити, а антропологи так и не освоили премудрости социологических методов и грамотной статистической обработки материалов... Рожденный от этого неравного брака гибрид оказался ребеночком с увечьем: советская теория этноса сыграла с этносоциологией плохую шутку... С утратой марксизмом командных высот “в одной отдельно взятой стране” этот дисциплинарный мезальянс практически распался, а вовлеченные в него социологи занялись востребованными к тому моменту исследованиями “этнических конфликтов”, “межнациональных отношений”, “этнических элит”, этничности и национализма, ксенофобии и толерантности, т. е. по большей части прикладными политологическими проектами, в которых нуждались и которые были готовы оплачивать местные и центральные политические элиты или международные фонды» (Форум АФ 2012: 134).

Не думаю, что перечисленные занятия социологов стали уходом в прикладную политологию. Слишком много методологически осознанных и обновленных проектов и публикаций, в том числе и переведенных на иностранные языки, было выполнено названными выше авторами за последние 20 лет, чтобы свести их к прикладной “заказухе”. С чем можно согласиться, так это с тем, что «не везде она (этносоциология. – В. Т.) стала “современной” и отринула свое советское наследие: попытки “изме-

ряд этносы” с помощью социологического инструментария инерционно сохраняются в некоторых периферийных сообществах российских социологов, но это тот случай, который я бы назвал бесперспективным направлением синтеза социологического и антропологического знания» (Там же: 135).

Как получилось у философов. Философам также не чужд интерес к культурному разнообразию и феномену этничности, но многие из них предпочитают трактовать его или в старой моргановско-марксовской парадигме, или с позиции культурологического онтологизма, настаивающего на цивилизационной культурной идентичности России как надэтнической и наднациональной (*Момджян, Антоновский* 2015: 42–93; *Межуев* 2009). Примечателен выход в 2015 г. под грифом философского факультета МГУ коллективной монографии “Этнос, нация, ценности”. Как пишет один из редакторов книги А. Ю. Антоновский, понятия этноса, нации, национализма “до сих пор не получали полного теоретически-выверенного содержательного определения в рамках социально-гуманитарных дисциплин, использовались методологически произвольно и зачастую получали явную или латентную идеологическую нагрузку” (*Антоновский* 2015: 19). Это явное недоразумение, ибо усилия отечественных специалистов по определению этноса были даже чрезмерными, а для остального мира такой задачи вообще не существовало. Что касается нации и национализма, то здесь существует целый арсенал разработок с участием ведущих обществоведов мира. В буквальном смысле “свалившись с Луны”, ибо во многих российских философско-социологических энциклопедиях и справочниках содержатся статьи о нации, национализме и этничности, философы-первооткрыватели в данной публикации предложили всего лишь давно известные схоластические построения Ю. И. Семенова, концепты которого в области теории общества и этноса еще 30 лет тому назад критиковал Э. Геллнер (*Gellner* 1988). Ю. И. Семенов с тех пор мало продвинулся в своих рассуждениях о социально-исторических организмах (“социорах”). Справедливо отвергая биологическую природу этничности и признавая первичность этнической принадлежности при образовании коллективных общностей, он предлагает следующую формулу: “этнос или этническая общность есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения” (*Семенов* 2015: 61). Казалось бы, эта формула чувствительнее предыдущих формулировок (нет некогда обязательных для этноса общих территории, хозяйства, психического склада и даже языка), но далее известный философ, много лет проработавший среди этнографов, снова вещает про “структуру этноса” с субэтнотами и про процессы этнического слияния, инкорпорации, расщепления, дивергенции и т. п.

Более того, Ю. И. Семенов довел до высшей степени схоластики классификацию “социальных организмов”, которую вообще трудно применить к каким-либо известным случаям как историкам, так и антропологам. Он пишет: «Этнографы называют племенами не только общинные ассоциации. Они нередко используют это слово для обозначения также и любых территориальных скоплений общин с общей или сходными культурами и с общим или близкими языками... Эти же самые совокупности общин, равно как и общинные ассоциации, особенно высших порядков, нередко называются и народами. Слово “народ” используется также для обозначения трибосоциоров, трибосоциорных и протополитархических ассоциаций любых порядков и просто любых совокупностей общиносоциоров, трибосоциоров, великообщин и протополитархий, совершенно независимо от наличия между этими демосоциорами практических связей, но при условии существования между ними хоть какого-нибудь культурного (общая или сходные культуры) или языкового (один или сходные языки) единства. Таким образом, в применении к первобытности народом называют не этническую общность, которой как особого явления в ту эпоху не существовало, а либо многообщин-

ный демосоциальный организм, либо любую совокупность родственных по культуре и языку демосоциальных организмов, причем совершенно независимо от того, представляет она собой ассоциацию или какую-либо другую органическую общность или не представляет» (Там же: 71). Интересно наблюдать, как подобной методологической тухлой (типы, структура, компоненты этноса как коллективного организма) советские этнографы некогда забили головы коллегам-обществоведам и теперь получают от них запоздалую отдачу без особой надежды на ответ.

Нельзя не напомнить, что в сибирской школе исследователей коренных малочисленных народов Севера долгое время присутствовала философско-социологическая схоластика вокруг темы абorigенных этносов, их модернизации (интернационализации) как особой северной цивилизации (*Бойко и др.* 1979; *Попков, Бойко* 1997; *Попков* 2000; *Попков и др.* 2003; *Попков, Тюгашев* 2006). Философией этноса (без анализа конкретных примеров) ограничились серия статей в “Этнографическом обозрении” и докторская диссертация “генерала спецслужб” С. Е. Рыбакова (2001). Именно со стороны таких маргинальных авторов исходила критика социального конструктивизма и апологетика теории этноса, которую нынешние философы, как мне представляется, оставили в прошлом.

В последние годы в работах многих философов разрабатываются темы идентичности, подвижности культурных границ, культурной сложности и разнообразия, конфликтов и миграции, а также другие сюжеты, близкие социально-культурным антропологам. Н. Н. Федотова делает интересные для антропологов заключения о неудовлетворенности многих известных авторов “не только эссенциалистски-натуралистическим пониманием идентичности, но и критически-проективным конструктивистским, взятыми в отдельности”. Автор выражает удивление, что отечественная литература не восприняла предложенные философом Ш. Айзенштадтом “коды идентичности”: примордиальный, гражданский и сакральный. “Гражданский код идентичности требует новых исследований и ее проективной роли. Но не менее важно исследовать и сакральный код, который в разных обществах различен. Он проявляется и в религиозном фундаментализме, и в религиозных свободах, но также существует и в светской форме”, – пишет Н. Н. Федотова (2012: 192–193).

В. С. Малахов исследует темы мультикультурности, национализма и ксенофобии (*Малахов* 2007, 2014). Нами совместно были организованы две международные конференции с публикацией двух сборников статей, объединивших философов, этнологов, антропологов и вышедших под грифами институтов этнологии и философии (*Тишков, Малахов* 2002; *Малахов и др.* 2011).

Заселение этносом политологии. В постсоветский период российские этнологи вышли на изучение проблем антропологии власти, этнического представительства и лоббирования, самоуправления и самоопределения, а также другие темы, которые являются центральными и для политологии. Были опубликованы работы как по этнической политике, так и по политике этничности в России, активно используемые представителями данной дисциплины в России и за рубежом (*Тишков* 1997, 2005). Вместе с соавтором мы взяли для учебного пособия хотя и неуклюжее, но вошедшее в учебные планы название “этнополитология”, чтобы изложить содержание этого специфического, пока еще только формирующегося направления исследований (*Тишков, Шабаетов* 2013).

Становящаяся на ноги в России политология (в СССР у этой дисциплины была более чем трудная судьба в лице отважных пионеров Ф. Бурлацкого и Г. Шахназарова) включилась в изучение межнациональных отношений, хотя антропологических тем природы власти, национализма, ритуала, символики и других сходных сюжетов она все-таки не затронула. Интерес политологов обусловлен поиском национальной идеи; их привлекают цивилизационный дискурс, политические процессы и институты и другие маргинальные для социально-культурных антропологов темы. До последнего

времени российская политология страдала журнализмом, комментаторством, увлеченностью избирательными технологиями. Из-за этого и по причине недостаточной интегрированности в мировую политическую науку поисками нового знания российские политологи занимались недостаточно, что, возможно, и уберегло эту дисциплину от масштабного заимствования гумилевско-бромлеевской парадигмы. В целом поворот части этнологов и антропологов к изучению политического, а политологов – к этнической тематике был взаимно интересным и остается перспективным.

Совсем плохо с культурологами и психологами. Этого нельзя сказать о взаимодействии антропологии и этнологии с некоторыми другими научными дисциплинами. В России в самом начале 1990-х годов большое число вузовских гуманитариев в поисках новой дисциплинарной идентичности и профессиональной занятости утвердили две новых дисциплины: культурологию и социальную антропологию, которые вторглись на дисциплинарное поле с трудом рождающейся из советской этнографии социально-культурной антропологии. Становление дисциплины в приближенном к мировому контексту варианте произошло позднее. Упрямое нежелание академического сообщества этнологов расставаться со своей этнографической идентичностью и позволило узурпировать социальную антропологию социальным работникам в союзе с философами (именно они первыми конституировали дисциплину с названием “социальная антропология”), а обретшие официальный статус культурологи сделали одним из своих брендов культурную антропологию.

Нужно признать, что новые социальные антропологи и культурологи пытались наладить диалог с этнографами и даже организовать совместные обсуждения и публикации. Наш институт имел неплохие связи как с Московским государственным социальным институтом (здесь был создан факультет социальной антропологии) и с РГГУ (здесь работает одна из зачинательниц постсоветской культурологии – профессор Г.И. Зверева), так и с бывшим Институтом культурологии Минкультуры, директор которого К.Э. Разлогов желал насытить новую культурологию антропологическим содержанием. По трудно объяснимым причинам подлинной междисциплинарности у этнологов с культурологами не получилось, но научные контакты сложились и сохраняются на весьма интенсивном уровне.

С психологией советская этнография взаимодействовала слабо, хотя в определении предмета дисциплины – этноса – компонент “психического склада” присутствовал издавна, особенно когда речь шла о его высшей форме – нации. Более того, истоки изучения “психологии народов”, “менталитета наций”, не говоря уже об изучении образов и стереотипов, восходят к самым началам обеих дисциплин. Дань “психоментальным комплексам” отдали не только С.М. Широкогоров, создавший в начале XX в. известный фундаментальный труд о тунгусах, но и искушенные американские антропологи, взявшиеся по заданию Госдепа изучать ментальный комплекс (этнопсихологию) советских людей в послевоенном СССР. Последний проект был связан с такими выдающимися именами, как М. Мид, но закончился безрезультатно (см.: *Белик* 2001).

Однако в советской этнографии этнопсихология как междисциплинарное поле фактически отсутствовала. Положение поменялось в период распада СССР. Сюжеты, связанные с коллективной травмой этнических общностей и социальных слоев, чрезвычайная эмоционально-политическая нагруженность общественной жизни, бурно растущий интерес к феномену коллективного самосознания, межэтнические распри и вражда – все это входило в проблематику социальной психологии и психологии межэтнических взаимодействий. Беда новоявленных этнопсихологов заключалась в том, что у них под рукой были труды Г. Шпета, чье романтическое сочинение 1920-х годов было переиздано без критических комментариев (*Шпем* 1996), Л.Н. Гумилева и С.М. Широкогорова, а не М. Коула или Дж. Берри с их безэтническими по сути концепциями кросскультурной коммуникации. Такова была внутридисциплинарная ситуация, которая вызвала в России к новой жизни этническую психологию в ее эс-

сенциалистской форме, что было чуждо психологии как науке. Но “психология этносов” – от пассионарности до новоизобретенных межэтнических дистанций, этнонигилизма и даже “евразийской психоментальности” – завоевывала умы обществоведов, включая и академическую психологию. В Институте этнологии и антропологии был даже создан сектор этнопсихологии. Подходы этнопсихологов эволюционировали и корректировались по мере утверждения более современного подхода к этничности и отхода от примордиализма советской теории этноса (Лебедева 2011). Они стали чаще самоопределяться как “кросскультурные психологи”, избавляясь от уязвимой приставки “этно” и приближаясь к интересам социально-культурных антропологов. Уход психологов из ИЭА РАН в другие научные учреждения не был выражением конфликта представителей двух дисциплин. Междисциплинарность позволила относиться к сложной материи этнического чувствительнее и тоньше, а психология сообществ включила в свой предмет национально-государственные, социальные и другие группы. Именно такие сходные по культурным характеристикам коллективности (а не этносы!) имели в виду как Шпет, так и американские психологи и антропологи, иначе бы они не изучали ментальность советского народа, который под категорию этноса никак не подходил.

Почти состоявшееся вторжение этноса в педагогику. Самый неудачный роман с этносом получился у педагогов, которые использовали вполне корректные наименования “этнопедагогика” и “педагогическая антропология” для формулирования ортодоксальных идей о складывании этнического самосознания и “этнотипа” едва ли не с младенческого возраста и якобы идеальных нормах традиционной культуры. Напомним, что этнопедагогика сформировалась во второй половине XX в. как междисциплинарная отрасль знаний на стыке этнологических и психолого-педагогических наук. С подачи М. Мид ее называли также этнографией детства и взросления. И.С. Кон определял этнопедагогику как “междисциплинарную отрасль знания на стыке этнографии, социологии и педагогики, занимающуюся сравнительным изучением традиционной народной педагогики, способов воспитания детей и самого мира детства, включая детские игры, фольклор и т.д.” (Кон 1988: 110). В этнопедагогике рассматривается влияние традиционной культуры, семейно-родственных отношений на становление личности, но сам анализ проводится в категориях педагогики. Здесь для ученых всегда был важен учет таких аспектов, как интерес населения к общению на родном языке и к содержанию образования, сочетание общегражданских норм и правил с сохранением языка, культурных традиций и самосознания. Этнологи обращают внимание на использование в учебном процессе традиционных народных представлений о природе и месте человека в ней. Им важны воспитательные идеалы и приемы, семейные ценности, отношения между старшими и младшими поколениями, воспитательные воздействия хозяйственных практик, календарных событий, обрядов и т. п.

В мировой антропологии этнопедагогика ограничивалась сферой семейного воспитания и начального образования, хотя в прошлом и ей был свойственен “пеленочный детерминизм”, когда из манеры пеленания детей делались выводы об особенностях национального характера. Народные воспитательные традиции не должны создавать межгрупповые границы между учащимися и мешать интеграции гражданских сообществ. О национальном воспитательном идеале современная педагогика говорит прежде всего в общегосударственном контексте (Данилюк и др. 2009). Что касается российских специалистов, в том числе и многочисленных “этнопедагогов” в республиках, то здесь этнопедагогика трактуется как механизм построения общего образования на этнокультурной основе. Вот как понимает задачи этнопедагогики ведущий авторитет в этой области, академик РАО Г.Н. Волков: “Создание подлинно национальной школы – русской, украинской, татарской, якутской, чукотской, любой другой – возможно только на этнопедагогической основе. Народная культура воспита-

ния представляет собой основу всякой культуры. Никакое национальное возрождение, никакое воссоздание прогрессивных народных традиций невозможно без приведения в действие исконных традиций воспитания, народной педагогики” (Волков 2000). Это крайне уязвимое рассуждение, ибо исключает какой-либо разговор о национальной российской школе, сводя этот ключевой общественный институт только к его этническим вариантам, которых в реальности не существует, кроме как в головах рьяных этнонационалистов.

Этнос и гены. Подобно тому, как в конце XIX в. на переднем крае науки оказалась физическая антропология, сто лет спустя в таком же положении оказалась генетика. Обе науки претендовали на особый статус, заявляя об их “исключительном” подходе к пониманию человека, и обе со временем вынуждены были умерить амбиции и пойти на сотрудничество со смежными дисциплинами. Действительно, если развитие биологических свойств человека, как и эволюция, возникновение и развитие популяций, может изучаться силами физических антропологов и генетиков, то этническая проблематика, выходящая за рамки биологии, требует синтеза знаний многих научных дисциплин. Люди выходят за рамки биологии, создавая с помощью культуры среду обитания и пользуясь механизмами вербальной коммуникации, и биологи не могут с этим не считаться. Здесь речь идет, прежде всего, об “этнических процессах”, ибо этническая группа вовсе не является биологическим или даже социобиологическим образованием. В то же время физическое воспроизводство, обусловленное половыми взаимоотношениями, позволяет ставить вопрос о сопряженности этнических образований и биологических популяций. Именно в этой сфере возможно сотрудничество между этнологами, археологами и лингвистами, с одной стороны, и генетиками – с другой. Генетики получают данные о преемственности генетических комплексов или разрывах в этой преемственности, генетическом дрейфе, эффекте первопоселения, адаптации к меняющейся природной обстановке, однако они не могут судить о духовной жизни людей, их сознании и самосознании, особенностях языков и процессах перехода с языка на язык. Именно поэтому, пытаясь внести вклад в изучение истории человеческих коллективов, генетики должны поддерживать контакты с представителями смежных дисциплин, которые занимаются теми же проблемами, но с опорой на собственные материалы и подходы.

Это не сразу было осознано генетиками, что приводило к ошибочным представлениям. Так, предложенные поначалу термины “этногенетика” и “этногеномика” (Лимборская и др. 2002; Хуснутдинова 2003; Балановская, Балановский 2007) вызвали обоснованные сомнения и критику со стороны антропологов и этнологов, поскольку такая терминология создавала нежелательные ассоциации с биологизацией этнического (Nelkin 2001, Carter 2007). Кроме того, она была подхвачена расистами, посчитавшими генетику человека верной союзницей. Осознав непродуктивность подобного подхода, генетики отказались от этих терминов и предпочли оперировать термином “геногеография”, который, по их мнению, адекватнее описывал их научную деятельность. А вместо *этноса* они стали употреблять менее нагруженный термин *популяция*. Что касается результатов, то сегодня они позволяют уточнить представления об истории отдельных человеческих сообществ, которые до сих пор иногда описываются как “народы” или “этноты”. С накоплением таких материалов выясняются интересные особенности тех процессов, которые когда-то вызывали ожесточенные споры между автохтонистами и миграционистами. Сегодня уже не остается сомнений в том, что оба подхода имели свои резоны и отражали определенные реалии. Ведь если генетики обнаруживают преемственность развития каких-то популяций и их привязанность к определенным территориям, то лингвисты в тех же случаях могут столь же уверенно говорить о смене языка, а этнологи – о важных мировоззренческих сдвигах. Свою лепту вносят и археологи, обнаруживая либо преемственность, либо разрывы в развитии материальной культуры. В совокупности все эти науки помогают понять пути

развития как человечества в целом, так и отдельных его сегментов. Все это не означает, что данные отдельных наук хорошо согласуются между собой. Напротив, нередко они вступают в противоречия, ставя перед учеными проблемы, связанные как с недостатками методологии, так и со сложностью самих процессов человеческого развития.

* * *

Наиболее стойкие критики конструктивизма и новых подходов к этничности считают, что проблема в том, что явление этноса до сих пор не познано до конца и по этой причине ученые не могут дать ему приемлемое определение. Так, например, Б. Е. Виноер считает, что “приемлемое определение этноса и этничности в нашей науке появится еще не скоро”, но исходить нужно из того, что этнические общности “в своем нынешнем виде образованы благодаря деятельности людей в прошлом” (Виноер 2005: 128). Круг искателей правильного определения в самой этнологии сегодня ограничен, но, как мы видим, в смежных дисциплинах появились новые сторонники теории этноса.

Для разрешения методологического тупика необходимо переосмысление происходящих изменений не только в экономике и политике, но и в культуре. На отсутствие адекватной теории, объясняющей глобальные коллизии современного мира, углубляющиеся глобально-региональные разломы, миграционные и этноконфессиональные конфликты, новые роли наций-государств – сетуют и отечественные и зарубежные ученые: “Очевидно, что нынешнего понятийного аппарата, который решает проблему с помощью, в частности, использования сложносоставных терминов (таких, например, как этнонационализм, этнофедерализм или мультикультурность/мультикультурализм), оказывается для этого недостаточно. Подобный способ трактовки природы современных конфликтов говорит скорее об ограниченности возможностей современного научного знания в постижении их природы. В контексте анализа дисбалансов и противоречий современного развития в прояснении нуждается, в частности, *понимание этнического самосознания и этничности как фактора социальной динамики в современном мире*” (Гонтмахер и др. 2014: 24; курсив мой. – В.Т.). В данном случае мы можем принять предлагаемое понятие “этносоциокультурный конфликт как результат взаимодействия существующих в мире множества этнических, межконфессиональных, социальных и культурно-цивилизационных конфликтов” (Там же: 19). Такого рода конфликт, действительно, может иметь долговременный характер, который обычными договоренностями и “деволюцией” преодолеть сложно. Как считают коллеги – “международники”, “этносоциокультурный конфликт во многом обусловлен фундаментальными демографическими, миграционными и социокультурными сдвигами, которые являются необратимыми и будут оказывать многообразное воздействие на различные стороны жизни как развитых, так и развивающихся стран на протяжении ближайших десятилетий” (Там же: 20). Насколько необратимыми и продолжительными – это вопрос для дискуссии (о стохастической природе современного исторического процесса речь уже шла в начале статьи).

Едва ли наш общий интеллектуальный ресурс позволяет предвидеть глубинные сдвиги в культурной эволюции, не говоря уже о переменах в науке и политике, которые произойдут через десятилетие, но кое-какие константы можно выделить. Одну из них выразил Лессинг, заявив, что “различия между людьми будут с нами до конца мира”. Культурные различия – это не временное явление, и разнородность человеческого рода будет длиться так долго, как существует он сам. Лессинг полагал, что мы всегда будем жить в разногласии, предпочитая разные вещи, любя разные способы жизни, и что все развитие культуры и творчество возникает в ситуации разногласия. З. Бауман также полагает, что “все новое, действительно захватывающее, рождается из спора, дискуссии, диалога, разногласий”. В основе этой действительно вневременной динамики лежит усложнение производимых человеком культурных форм. В Рос-

сии одной из фундаментальных и ранних форм в организации человеческих коллективов считалось “этно”, но эта позиция была существенно пересмотрена и этнологами и археологами, показавшими, что общинность, клановость, религия, подчинение были более ранними и более мощными основами социальных группировок людей, чем их культурно-языковое сходство. Коли так, то нет гарантии, что “этно” останется с нами навечно и не уступит место другим коалициям, если только это уже не происходит.

Источники и материалы

- Бауман* 2011 – *Бауман З.* Текущая модерность: взгляд из 2011 года. Публичная лекция, прочитанная 21 апреля 2011 года в клубе “ПирОГИ на Сретенке” // Полит.ру. 06.05.2011. URL: polit.ru/article/2011/05/06/bauman/
- Форум АФ 2012 – [Форум] Антропология и социология // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 8–168.

Научная литература

- Алексеев* 1986 – *Алексеев В. П.* Этногенез. М.: Наука, 1986.
- Антоновский* 2015 – *Антоновский А. Ю.* Несколько слов о задачах монографии // Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / Под ред. К. Х. Момджяна, А. Ю. Антоновского. М.: Канон+, РООИ “Реабилитация”, 2015. С. 19–20.
- Балановская, Балановский* 2007 – *Балановская Е. В., Балановский О. П.* Русский генофонд на Русской равнине. М.: Луч, 2007.
- Белик* 2001 – *Белик А. А.* Современная психологическая антропология. М.: Смысл, 2001.
- Бойко и др.* 1979 – БАМ и народы Севера / Под ред. Бойко В. И. и др. Новосибирск: Наука, 1979.
- Булдаков* 2011 – *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2011.
- Винер* 2005 – *Винер Б. Е.* Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 114–130.
- Волков* 2000 – *Волков Г. Н.* Этнопедагогика. М.: Академия, 2000.
- Гонтмахер и др.* 2014 – Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современного мира / Под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина, И. С. Семененко. М.: Русское слово, 2014.
- Губогло* 2004 – Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: сборник в честь Юрика Варгановича Арутюняна / Под ред. М. Н. Губогло. М.: Наука, 2004.
- Губогло, Дубова* 2011 – Феномен идентичности в современном гуманитарном знании / Сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова. М.: Наука, 2011.
- Данилюк и др.* 2009 – *Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009.
- Дробижеева* 1988 – *Дробижеева Л. М.* Этносоциология // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Под ред. М. В. Крюкова, И. Зельнова. М.: Наука, 1988. С. 96–97.
- Дробижеева* 2004 – *Дробижеева Л. М.* Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2004.
- Дробижеева* 2013 – *Дробижеева Л. М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.
- Здравомыслов* 1998 – Релятивистская теория нации. Новый подход к исследованию этнополитической динамики России / Отв. ред. А. Г. Здравомыслов. М.: РНИС и НП, 1998.
- Здравомыслов* 1999 – *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты на постсоветском пространстве. М.: Аспект пресс, 1999.
- Комарова* 2011 – *Комарова Г. А.* Отечественная этнография и этносоциология: опыт междисциплинарной интеграции // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании / Сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова. М.: Наука, 2011. С. 273–297.
- Кон* 1988 – *Кон И. С.* Этнопедагогика // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Под ред. М. В. Крюкова, И. Зельнова. М.: Наука, 1988. С. 110–111.

- Крюков, Зельнов 1988 – Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Под ред. М. В. Крюкова, И. Зельнова. М.: Наука, 1988. С. 110–111.
- Лебедева 2011 – Лебедева Н. М. Этническая и кросс-культурная психология. М.: МАКС Пресс, 2011.
- Лимборская и др. – Лимборская С. А., Хуснутдинова Э. К., Балановская Е. В. Этногеомика и геонгеография народов Восточной Европы. М.: Наука, 2002.
- Малахов 2007 – Малахов В. С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Малахов 2014 – Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Малахов и др. 2011 – Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире: материалы международной научной конференции / Под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова, А. Ф. Яковлевой. М.: Икар, 2011.
- Межуев 2009 – Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- Момджян, Антоновский 2015 – Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / Под ред. К. Х. Момджяна, А. К. Антоновского. М.: Канон+, 2015.
- Мосин, Яблонский 2013 – Этничность в археологии и археология этничности? Материалы Круглого стола / Под ред. В. С. Мосина, Л. Т. Яблонского. Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013.
- Петрухин 1995 – Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; Москва: Русич; Гнозис, 1995.
- Петрухин, Раевский 2004 – Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004.
- Попков 2000 – Попков Ю. В. Интернационализм в традиционных и современных обществах. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000.
- Попков и др. 2003 – Попков Ю. В., Костик В. Т., Тугужекова В. Н. Этносы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск: Изд-во “Нонпарель”, 2003.
- Попков, Бойко 1997 – Попков В. Н., Бойко В. И. Политико-правовой статус коренных народов Севера: на пути в мировую цивилизацию. Новосибирск: ИФИПР, 1997.
- Попков, Тюгашев 2006 – Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард; Новосибирск: Сиб. научное изд-во, 2006.
- Рыбаков 2001 – Рыбаков С. Е. Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001.
- Рыжова 2011 – Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011.
- Семенов 2015 – Семенов Ю. И. Общество, население, этнос монографии // Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / Под ред. К. Х. Момджяна, А. К. Антоновского. М.: Канон+; РООИ “Реабилитация”, 2015. С. 42–72.
- Тишков 1997 – Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.
- Тишков 2003 – Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Тишков 2005 – Тишков В. А. Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. М.: Наука, 2005.
- Тишков, Малахов 2002 – Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. А. Тишкова, В. С. Малахова. М.: ИЭА РАН, 2002.
- Тишков, Шабаетов 2013 – Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология. Политические функции этничности. Учебник для вузов. М.: Изд-во МГУ, 2013.
- Токарев 1958 – Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Московского университета, 1958.
- Тоценко 2003 – Тоценко Ж. Т. Этнокрафия: история и современность. М.: РОССПЭН, 2003.
- Федотова 2012 – Федотова Н. Н. Изучение идентичности и контексты ее формирования. М.: Культурная революция, 2012.
- Хачатурян 2015 – Этносы и “нации” в Западной Европе в средние века и в раннее новое время / Под ред. Н. А. Хачатурян. СПб.: Алетей, 2015.

- Хуснутдинова 2003 – Хуснутдинова Э.К. Этногеномика и генетическая история народов Восточной Европы // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 7. С. 614–621.
- Шнирельман 1984 – Шнирельман В.А. Этноархеология – 70-е гг. // Советская этнография. 1984. № 2. С. 100–113.
- Шнирельман 1990 – Шнирельман В.А. Оружие как этнический и/или социальный маркер (этноархеологические заметки) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1990. С. 16–19.
- Шнирельман 1993 – Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). Екатеринбург: УрО РАН, 1993.
- Шнем 1996 – Шнем Г.Г. Введение в этническую психологию. Воронеж: МОДЭК, 1996.
- Carter 2007 – Carter R. Genes, genomes and genealogists: the return of scientific racism? // *Ethnic and racial studies*. 2007. Vol. 30. № 4. P. 520–522.
- Gellner 1988 – Gellner E. *State and Society in the Soviet Thought*. Oxford: Basil Blackwell, 1988.
- Nelkin 2001 – Nelkin D. Molecular metaphor: the gene in popular discourse // *Genetic Nature Reviews*. 2001. Vol. 2. № 7. P. 555–559.

Article Summary

Etnograficheskoe obozrenie, 2016, no. 5

V.A. Tishkov. *Ot etnosa k etnichnosti i posle (From Ethnos to Ethnicity and After)*

Keywords: social constructivism, theory of ethnos, ethnology and anthropology in Russia, ethnos and ethnicity in archaeology, historiography, political science, philosophy, psychology, education, “ethnogenomics”

Abstract: A dramatic transition took place in the Russian humanities and social sciences since 1991 when the dominant ethnos paradigm was replaced by constructivist interpretations of ethnicity. A new discipline of socio-cultural anthropology emerged in research and education institutions. Meanwhile, primordial approaches associated with the figures of Lev Gumilev and Yulian Bromley are still alive and enjoy enthusiastic response in history, political science, philosophy, and sociology. In spite of this neoprimalism, sociologists, archaeologists, psychologists, and geneticists, in cooperation with anthropologists, are trying to build interdisciplinary bridges to avoid the pitfalls of ethnos and ethnogenesis theories. Contemporary anthropology and ethnology in Russia are in search of a new synthesis that would allow for the better understanding of today’s cultural complexities and human social and cultural coalitions beyond the ethnicity paradigm.

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 15-18-00099

Author: Valery A. Tishkov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: valerytishkov@mail.ru

References

- Alekseev V.P. *Etnogenez*. Moscow: Vysshaya shkola, 1986.
- Antonovskii A. Yu. Neskol’ko slov o zadachakh monografii. *Etnos, natsiia, tsennosti: Sotsial’no-filosofskie issledovaniia*, ed. K. Kh. Momdzhian, A. Yu. Antonovskii. Moscow: Kanon +, 2015, pp. 19–20.
- Balanovskaia E. V., Balanovskii O. P. *Russkii genofond na Russkoi ravnine*. Moscow: Luch, 2007.
- Belik A. A. *Sovremennaia psikhologicheskaiia antropologiia*. Moscow: Smysl, 2001.
- Boiko V.I. et al. (eds.) *BAM i narody Severa*. Novosibirsk: Nauka, 1979.
- Buldakov V.P. *Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Usloviia vozniknoveniia, khronika, kommentarii, analiz*. Moscow: Novyi khronograf, 2011.
- Carter R. Genes, genomes and genealogists: the return of scientific racism? *Ethnic and racial studies*, 2007, vol. 30, no. 4, pp. 520–522.

- Daniliuk A. Ya., Kondakov A. M., Tishkov V. A. *Kontseptsiiia dukhovno-nravstvennogo razvitiia i vospitaniia lichnosti grazhdanina Rossii*. Moscow: Prosveshchenie, 2009.
- Drobizheva L. M. *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiiskoi Federatsii. Opyt 20 let*. Moscow: Novyi khronograf, 2013.
- Drobizheva L. M. *Etnosotsiologiia segodnia. Problemy metodologii mezhdistsiplinarnykh issledovaniy v kontekste sotsial'no-kul'turnoi antropologii*. Moscow: Nauka, 2004.
- Fedotova N. N. *Izuchenie identichnosti i konteksty ee formirovaniia*. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia, 2012.
- Gellner E. *State and Society in the Soviet Thought*. Oxford: Basil Blackwell, 1988.
- Gontmakher E. Sh., Zagladin N. V., Semenenko I. S. (eds.) *Etnosotsiokul'turnyi konflikt: novaia real'nost' sovremennogo mira*. Moscow: Russkoe slovo, 2014.
- Guboglo M. N. (ed.) *Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v kontekste sotsial'no-kul'turnoi antropologii: Sbornik v chest' Iurika Vartanovicha Arutiuniana*. Moscow: Nauka, 2004.
- Guboglo M. N., Dubova N. A. (eds.) *Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii*. Moscow: Nauka, 2011.
- Khachaturian N. A. (ed.) *Etnosy i natsii' v Zapadnoi Evrope v srednie veka i v rannee novoe vremia*. St. Petersburg: Aleteiia, 2015.
- Khusnutdinova E. K. Etnogenomika i geneticheskaia istoriia narodov Vostochnoi Evropy. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2003, vol 73, no. 7, pp. 614–621.
- Komarova G. A. Otechestvennaia etnografiia i etnosotsiologiia: opyt mezhdistsiplinarnoi integratsii. *Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii*, ed. M. N. Guboglo, N. A. Dubova. Moscow: Nauka, 2011, pp. 273–297.
- Kriukov M. V., Zel'nov I. (eds.) *Svod etnograficheskikh poniatii i terminov. Etnografiia i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniia. Metody*. Moscow: Nauka, 1988.
- Lebedeva N. M. *Etnicheskaia i kross-kul'turnaia psikhologiia*. Moscow: MAKSS Press, 2011.
- Limborskaia S. A., Khusnutdinova E. K., Balanovskaia E. V. *Etnogenomika i genogeografiia narodov Vostochnoi Evropy*. Moscow: Nauka, 2002.
- Malakhov V. S. *Kul'turnye razlichii i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Malakhov V. S. *Ponaekhali tut... Ocherki o natsionalizme, rasizme i kul'turnom pliuralizme*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007.
- Malakhov V. S., Tishkov V. A., Yakovleva A. F. (eds.) *Gosudarstvo, migratsiia i kul'turnyi pliuralizm v sovremennom mire: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow: Ikar, 2011.
- Mezhuev V. M. *Ideia kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2009.
- Momdzhian K. Kh., Antonovskii A. K. (eds.) *Etnos, natsiia, tsennosti: Sotsial'no-filosofskie issledovaniia*. Moscow: Kanon+, 2015.
- Nelkin D. Molecular metaphor: the gene in popular discourse. *Genetic Nature Reviews*, 2001, vol. 2, no. 7, pp. 555–559.
- Petrukhin V. Ya. *Nachalo etnokul'turnoi istorii Rusi IX–XI vekov*. Smolensk; Moscow: Rusich; Gnozis, 1995.
- Petrukhin V. Ya., Raevskii D. S. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e*. Moscow: Znak, 2004.
- Popkov V. N., Boiko V. I. *Politiko-pravovoi status korennykh narodov Severa: na puti v mirovuiu tsivilizatsiiu*. Novosibirsk: IFIPR, 1997.
- Popkov Yu. V. *Internatsionalizm v traditsionnykh i sovremennykh obshchestva*. Novosibirsk: Izdatel'stvo IDMI, 2000.
- Popkov Yu. V., Kostik V. T., Tuguzhekova V. N. *Etnosy Sibiri v usloviakh sovremennykh reform (sotsiologicheskaia ekspertiza)*. Novosibirsk: Izdatel'stvo "Nonparel", 2003.
- Popkov Yu. V., Tiugashev E. A. *Filosofiia Severa: korennye malochislennye narody Severa v stsenariakh miroustroistva*. Salekhard; Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2006.
- Rybakov S. E. *Filosofiia etnosa*. Moscow: IPK Gossluzhby, 2001.
- Ryzhova S. V. *Etnicheskaia identichnost' v kontekste tolerantnosti*. Moscow: Al'fa-M, 2011.
- Semenov Yu. I. Obshchestvo, naselenie, etnos monografii. *Etnos, natsiia, tsennosti: Sotsial'no-filosofskie issledovaniia*, eds. K. Kh. Momdzhian, A. Yu. Antonovskii. Moscow: Kanon +, 2015, pp. 42–72.

- Shnirel'man V.A. *Arkheologicheskaja kul'tura i sotsial'naja real'nost' (problema interpretatsii keramicheskikh arealov)*. Ekaterinburg: UrO RAN, 1993.
- Shnirel'man V.A. Etnoarkheologija – 70-e gg. *Sovetskaja etnografija*, 1984, no. 2, pp. 100–113.
- Shnirel'man V.A. Oruzhie kak etnicheskii i/ili sotsial'nyi marker (etnoarkheologicheskie zametki). *Problemy istoricheskoi interpretatsii arkheologicheskikh i etnograficheskikh istochnikov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: TGU, 1990, pp. 16–19.
- Shpet G.G. *Vvedenie v etnicheskuiu psikhologiju*. Voronezh: MODEK, 1996.
- Tishkov V.A. *Etnologija i politika: stat'i 1989–2004 gg.* Moscow: Nauka, 2005.
- Tishkov V.A. *Oчерки теории i politiki etnichnosti v Rossii*. Moscow: Russkii mir, 1997.
- Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii*. Moscow: Nauka, 2003
- Tishkov V.A., Malakhov V.S. (eds.) *Mul'tikul'turalizm i transformatsiia postsovetkikh obshchestva*. Moscow: IEA RAN, 2002.
- Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. *Etnopolitologija. Politicheskie funktsii etnichnosti. Uchebnik dlja vuzov*. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2013.
- Tokarev S.A. *Etnografija narodov USSR. Istoricheskie osnovy byta i kul'tury*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1958.
- Toshchenko Zh.T. *Etnokratija: istorija i sovremennost'*. Moscow: ROSSPEN, 2003.
- Viner B.E. Postmodernistskii konstruktivizm v rossiiskoi etnologii. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2005, vol. 8, no. 3, pp. 114–130.
- Volkov G.N. *Etnopedagogika*. Moscow: Akademiia, 2000.
- Zdravomyslov A.G. (ed.) *Relativistskaia teoriia natsii. Novyi podkhod k issledovaniuu etnopoliticheskoi dinamiki Rossii*. Moscow: RNISiNP, 1998.
- Zdravomyslov A.G. *Mezhnatsional'nye konflikty na postsovetском prostranstve*. Moscow: Aspekt press, 1999.